

ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКИСТАНА

Абдувахабова Махина

PhD, доцент УзГУМЯ,

Шаикенова Дана

*преподаватель, Казахский университет международных
отношений и мировых языков имени Абылай хана*

Аннотация. В статье представлен дискурсивный анализ узбекского медийного пространства. В качестве основы интерпретации текста выбраны модели ситуаций. В работе выявлен и подтвержден конкретными примерами сложившийся в культурной практике страны симбиоз постсоветской и постколониальной идентичностей. В трактовке исследователя, три базовых проекта являются тем самым постоянным интертекстом, который определяет политические, социальные и культурные границы всего узбекского общества. Евразийский проект полностью состоялся в официальном русскоязычном дискурсе, пантюркистский в допускаемой государством мере влияет на узбекский общественный дискурс, либеральный проект частично присутствует в политическом дискурсе, больше отмечен в арт-дискурсе (через деколониальные тенденции и посредством них). Все проекты — это одновременно постоянные константы и рамки, за пределы которых «носители» этих дискурсов предпочитают не выходить. Концепты власти, идеологии и истории определены в рамках теории критического дискурс-анализа как базовые концепты узбекского дискурса, представлено также их отражение в ассоциативном сознании носителей русского и узбекского языков. В полученных результатах определены тенденции и когнитивные стратегии официального и массового дискурса: от сохранившихся советских штампов до становящейся национальной идентичности. Новизна работы обусловлена материалом и методикой анализа, согласно которой постулаты когнитивных теорий подкрепляются наработками критического дискурс-анализа. В представленной работе при анализе публицистических жанров, речевых средств и риторических стратегий, а также собственно языковой гибридности выявлены идеологические конструкции конкретного времени и пространства.

Ключевые слова: дискурс идентичности; дискурс-анализ; национальная идентичность; культурные практики; медиапространство; политические проекты; журналистика; медиалингвистика; медиатексты; медиадискурс СМИ; средства массовой информации; политический дискурс; узбекские СМИ.

Анализ дискурса во всех его возможных временных и жанровых проявлениях предполагает различные подходы: психологический, семиотический, социологический, культурологический, психолингвистический [Водак 2017; Дейк 2013; Марков 2018; Чудинов 2006], в том числе с их желательным междисциплинарным объединением. Важно подчеркнуть, что модели ситуаций действительно необходимы нам в качестве основы интерпретации текста [Дейк 2000: 161]. Попрежнему вызывающая споры теория медиальности [Маклюэн 2017; Mugašov 2016] и становящаяся на наших глазах

актуальная теория культурной антропологии [БахманнМедик 2017] в этом случае существенно дополняют и расширяют собственно филологические исследования и подходы. В свою очередь, по отношению уже к узбекской научной практике подобный междисциплинарный подход позволяет преодолеть существующий кризис в гуманитарных областях. Поясним, что на сегодняшний день очевидна не всегда осознаваемая даже самими авторами интеграция лингвистических изысканий с политическими концепциями. Так, традиционно узбекские лингвисты, в особенности ориентирующиеся на российские линвокультурологические исследования, появившиеся в начале 1990-х гг., декларируют общность узбекской и русской культуры, обязательно противопоставляя ее западным ценностям. Опыт так называемых «российских концептуалистов» вполне соотносится с национализмом узбекских лингвистических штудий. В других, более поздних по времени выхода узбекских психолингвистических работах, приводятся разного рода списки слов, которые, по мнению их составителей, отражают значимые для узбекской культуры понятия. Неизбежные замечания о том, что подобного рода концепты универсальны для большинства европейских и постсоветских культур, остаются явно без внимания. При этом в самом научном исследовании происходит алогичная подмена: типичные для современной узбекской культуры черты и идеи устанавливаются исключительно на основании фольклорных материалов, классических литературных произведений, крылатых выражений и прочего. Иначе говоря, отбираются только те в значительной мере архаичные источники, которые являются самопрезентационными: в них отражается то, как сам народ представляет себя, каким хотел бы себя видеть, а не то конкретно-реальное, что в нем есть. Порой подобные источники демонстрируют и то, каким бы хотели видеть свой народ правители, государство или как они хотели бы «конструировать» его в нужном ключе. Противостоять подобной националистической идеологизации, тенденциозности исследований можно и нужно посредством дискурсного анализа, выявляющего новации словоупотребления, сдвиги значений, способы заимствований и передачи чужой речи. Заметим, что наиболее объективными в данном контексте представляются данные немногочисленных психолингвистических исследований. Ассоциативные материалы для любого языка традиционно выступают как объективный источник при когнитивных, культурологических и социальнопсихологических исследованиях. На сегодняшнем этапе развития узбекской лингвистики попытка осмыслить современные узбекские тексты, другие образчики дискурсивной практики с использованием методов критических дискурсисследований не предпринималась.

В свете этого неизбежны вопросы: чем является узбекский дискурс — механическим или органическим соединением культур (вспомним еще недавно популярный в политическом дискурсе тезис о «лаборатории 120 языков»)? Что есть «дискурсивная» история Узбекистана конца XX и XXI в. — от перестройки до середины двухтысячных? Каковы функции признаваемых политико-идеологических дискурсов? Наиболее очевидным при анализе дискурсивного политико-идеологического пространства Узбекистана является демонстрируемый медийным полем страны сложившийся симбиоз постсоветской и постколониальной идентичностей. Политические, социальные и культурные

границы всего узбекского общества определяются тремя проектами, выступающими в роли интертекста.

По-прежнему сторонники пантюркистского проекта выделяют следующие объединяющие факторы: этническое родство; единство религии; близость языков. Эти идеи были популярны и до сих пор характерны для документалистики, кинематографа, публицистики, для всей артпрактики рубежа XX—XXI вв. Тем не менее понятие «Туркестан» в массовом сознании жителей современного Узбекистана по разным причинам постепенно начинает выходить из оборота. Пантюркизм частично созвучен идеям национально-патриотического движения. Существует также и официальное осмысление общетюркской идеи, предполагающее исключительно культурологическое наполнение: 1) информирование о единых для всего тюркского мира выдающихся тюркских деятелях; 2) исследование общей литературы; 3) создание общего культурного пространства.

На сегодняшний день роль «дискурсивного» критика при практическом отсутствии политологических концепций и соответствующей критики в стране взяло на себя актуальное искусство. Оно стало тем самым «посредником», который идеально подходит для передачи множества идей, хаотично, но с исторически неизбежной закономерностью возникающих в стране, оно же верно подмечает квазиреальность мира узбекского общественного и культурного пространства. Те процессы, которые происходят или, наоборот, не случаются в общественной и социальной практике, акцентируются посредством актуального искусства и художественного авангарда. Как ни странно, при этом немногочисленные образчики узбекского постколониального искусства обнаруживают глубинное сходство с советским соцреализмом: тематическую общность, назидательный и пафосный характер, свободу от логики и вкуса. Во многих случаях даже в узбекской научной и культурной практике мы имеем дело лишь с имитационным анализом. Медиадискурс так же, как искусство или литература, проблематизирует соотношение языкового и культурного компонентов в массовом сознании, начиная с их «зеркального» слияния и кончая образцами деконструкции. В перспективе необходим анализ как «горизонтальной» репрезентативности (на примере если не всех видов медиа, то хотя бы основных), так и обращение к «вертикальной репрезентативности» («высокие» и «низкие» тексты, паранаучные труды).

На сегодняшний день роль «дискурсивного» критика при практическом отсутствии политологических концепций и соответствующей критики в стране взяло на себя актуальное искусство. Оно стало тем самым «посредником», который идеально подходит для передачи множества идей, хаотично, но с исторически неизбежной закономерностью возникающих в стране, оно же верно подмечает квазиреальность мира казахстанского общественного и культурного пространства. Те процессы, которые происходят или, наоборот, не случаются в общественной и социальной практике, акцентируются посредством актуального искусства и художественного авангарда. Как ни странно, при этом немногочисленные образчики казахстанского постколониального искусства обнаруживают глубинное сходство с советским соцреализмом: тематическую общность, назидательный и пафосный характер, свободу от логики и вкуса.

Список использованных работ

1. Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? — Харьков : Гуманитарный центр, 2018. 404 с.
2. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М. : Либроком, 2013. 352 с.
3. Марков А. В. Постмодерн культуры и культура постмодерна. Лекции по теории культуры. — М. : РИПОЛ классик, 2018. 256 с
4. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта: Наука, 2006. 254 с.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — Благовещенск, 2000. 308 с
6. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. — М.: Кучково поле, 2017. 464 с.
7. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.